

— Мне доставляло большое удовольствие иллюстрировать Шекспира, потому что он обладал безграничным знанием человеческой природы и жизни. У него самый богатый материал для нас, художников. И игра воображения, и бездна чувств, и мудрость, и веселье. Порой у иного писателя прочтешь книгу — и не знаешь, на чем заострить свое внимание, трудно найти кульминационный момент, в котором раскрылся бы герой, был показан его характер. У Шекспира же что ни фраза — то событие, что ни жест — то сцена.

Самым настоящим событием в мире иллюстрации была серия гравюр к «Генриху IV» Шекспира. Константинов сумел воспользоваться щедрым текстом и воплотил в зрительских образах игру воображения, бездну чувств и щедрое веселье. Ох, как очарователен его развалившийся в кресле грузный Фальстаф.

«Они, гравюры, блещут почти ювелирной чеканностью высокой гравировальной техники» — так было отмечено в печати о работах Константинова.

К творчеству этого поэта художник обратился вновь в суровые годы войны. На

композиций, к пространственной глубине, к резкому разрешению светотеней подталкивает художника к сложнейшей прозе Федора Достоевского.

Константинов всегда брался за большие произведения, потому что знал — они обогащают, открывают и развивают новые творческие грани. Трагическая судьба героев Достоевского, психологическая насыщенность подталкивали Константинова к стремлению осторожного проникновения в душевный мир персонажей.

Книга «Преступление и наказание» завладела художником надолго. Он долго искал образ Раскольникова. Мучился, терзался, исчеркал массу листов, но тщетно — Раскольникова ускользал. И как-то ночью, сидя за рабочим столом, Константинов вздрогнул и обернулся: медленно, со скрипом открылась дверца шкафа, и на художника из зеркала взглянул... Раскольников.

— Тогда я несколько дней не брился, работа увлекла. И когда я посмотрел на себя, то сразу же понял: именно таким мог быть главный герой.

Константинов познал славу, славу мировую. Познал признательность. Познал силу товарищества и силу лукавства.

«Сейчас вы увлечены устройством дома, и это понятно. Вы осуществили свою мечту, более даже. Вы вырвались из «болота» и имеете собственный дом... Вы строите внешность дома, а что внутри?..»

Он любил и терзался.

«Мне даже кажется, «острота» поведения усилилась, утроилась, видимо, ваши внушения, как вы мне говорили, только подливают масла в огонь. Даже если бы я из железа и стали был создан, то и тогда, видимо, не выдержал и меня бы расплавили. А посему и живу, если это жизнь, между небом и землей. Я-то на самом деле был и бывал, но не по своим причинам, близок к смерти, кстати, за последние три дня. Говорю не для страха, но для трезвости и истины обстоятельности».

Он всегда жил бурно, активно, как бы вулканически. В его мастерской были дипломаты и журналисты, писатели и актеры, студенты и художники. Он мечтал преподавать, но ему не позволили. Он хотел передать свое мастерство, но ему не доверяли.

Интересна была манера его разговоров. Он, как мощный корабль, медленно окутывал себя воспоминаниями, потом набирал

МАГ СВЕТОПИСИ, ПРОСТИ ЗА БЕЗДУШЬЕ

Лит. Россия. — 1997. — 15 авг. — с. 15

Он так тихо и спокойно ушел из этого мира, что ни одна центральная газета не дала некролога. А ведь он был Великим иллюстратором XX века.

Его работы хранятся в музеях Японии, Швеции, Англии, Германии, Чехии, Словакии. За серию гравюр к произведениям Пушкина он награжден серебряной медалью в Италии.

В Американском центре графики выставлены его работы к произведению Лермонтова «Мцыри».

Таков он был в жизни — Федор Денисович Константинов.

В его мастерской, под самой крышей на Тверском бульваре, еженощно кипели страсти, схватывались в поединках герои Полтавской битвы, была слышна мощная речь Петра, раздавался кандалный звон героев Достоевского, плавно текла поэтическая речь Есенина...

В свое время судьбе было угодно свести художника с сестрой Есенина... Послевоенное время сорок пятого года. Константинов надумал вывезти за город дочерей Машеньку и Катю. Он спокойно шел тихой деревенской улицей, приглядываясь к дво-

Лет пятнадцать назад в беседе художник с горьким сожалением говорил:

— По существу, творчество уже уничтожено. Сознательно или бессознательно — это уже не имеет никакого значения. Есть форма лакейского вида деятельности, но только не творчества. Делать то, что показывает ложь, лицемерить могут лишь подлещи и карьеристы, люди, потерявшие совесть и честь. Но рабская жизнь, отчаяние толкают талантливых людей на этот путь. Путь же к прекрасному, честному, правдивому, доброму попросту закрыт. Но работать надо. И за это тебе бросают какие-то крохи на стол...

Он был талантлив, но он был отторгнут. Искусства прекращали с ним работать. Но художник начинает работать над лирикой Лермонтова. Демоническая тема поэта, противоречие между мечтой и действительностью, этот бунт одинокой, но сильной личности, ее стремление к свободе вдохновили иллюстратора.

Федор Денисович тогда записал в дневнике: «Много думаю о Лермонтове. Проникаюсь все глубже и глубже его лирикой. Вижу самого автора, чувствую его высокую напряженность, бунтарский дух. Возникла мысль — проследить его жизнь начиная с 14 лет и до трагической и нелепой смерти и сделать серию иллюстраций. Хочется сделать что-то необычное...»

И это художнику удается. В «Демоне», который готов отречься от вечности, от власти, чтобы испытать силу любви, художник воплотил буйство своих чувств того времени.

Как-то я спросил Федора Денисовича, чего бы ему хотелось. Он, улыбаясь, ответил:

— Ох, как бы мне хотелось побывать на родине моих героев. В Греции, Египте, Риме. Представляешь, ты стоишь на древней земле Олимпии и слышишь ликование игроков или звон кинжалов гладиаторов. Но, как тебе известно, дальше Москвы и Московской области я нигде не выезжаю. Так что кукую у себя на чердаке, и ко мне в гости приходят герои выбранных мною книг.

Он был затворником. И, быть может, судьба вновь омилоствивилась над ним — он встретил новую, но юную любовь. Ошибся ли он? Вот что он запишет в дневнике...

ход и, уже выйдя «на чистую воду», плавно вел речь. Но она вскипала, он жестикулировал, возмущался, утихал, обдумывал, а потом вновь бурлил. При этом в его глазах появлялся блеск, на щеках играл румянец и он молодел.

Слушать его можно было сутками. Он был энциклопедически начитан, иной раз приводя такие факты истории, о которых не прочтешь ни в одном учебнике, ни в одном воспоминании. Вживаясь в задуманный образ, он досконально изучал жизнь писателя, зная даже о том, что говорил писатель ночью своей возлюбленной. Он дорожил фактами.

Он очень любил собеседников. Внимательно наблюдал за их реакцией на его разговоры, пристально присматривался к лицам, жестам. Он был гением, а гении учатся всегда.

Далеко за полночь уходили гости из его «кели», а он, оставшись один, включал настольную лампу, брал штихель, гладил ладонью отполированное поле самшитовой доски и начинал «пахать» своим плужком, выводя одну бороздку за другой.

Так он жил. Тихо и бедно. Но гордо.

Сергей КАМЕНЕВ

На снимках: Федор Денисович КОНСТАНИНОВ.

Некоторые гравюры художника к книгам Льва Толстого, Александра Пушкина, Сергея Есенина.

Последняя работа мага светописи — Петр I.

рам. Увидел невысокий домик, прибранный дворик, постучал в калитку. Вышла сухонькая пожилая женщина. Федор Денисович поздоровался, спросил, не сдастся ли комнатка.

— Да я не знаю, как это бывает...

Тогда он еще не знал, что перед ним была Екатерина Александровна Есенина.

Петр Иванович Чагин, добрейшей души человек, купил этот самый домик и перевез в него сестру Есенина.

Хозяйка впустила художника с доченьками. И часто вечерами, за травяным чаем, вели они долгий разговор. Он чувствовал, что придет время и он сумеет проиллюстрировать земляка.

Сейчас эту работу знают все: портрет Сергея Есенина в профиль, датированный 1965 годом.

Ученик Владимира Андреевича Фаворского, Федор Константинов был замечен сразу. В 1935 году газета «Вечерняя Москва» поместила такую информацию: «На днях в Московском институте изобразительных искусств состоялся выпуск студентов-дипломников, учившихся под руководством профессора В.А. Фаворского. Представляем дипломную работу выпускника Ф.Д. Константинова — гравюру на дереве «Разгром помещичьей усадьбы», за которую автору присужден Диплом первой степени».

Напутствие молодому художнику было дано, и он окунулся в мир книг, волшебство поэзии. Его работы украшают поэтические сборники Э.Багрицкого, В.Маяковского, М.Светлова, И.Сельвинского, М.Исаковского.

Интересно признание самого Константинова, сделанное в 1938 году:

этот раз была вечная книга — «Ромео и Джульетта».

— Я постоянно был увлечен находждением, решением в каждом сюжете темы совершенной композиции. В поисках сцены поединка Ромео с Тибальдом впервые остро почувствовал, что такое композиция и как ее строить. С тех пор этот поединок является как бы моей личной эмблемой.

Да, зрители в те годы отметили портретное сходство художника с Ромео.

И он всю свою жизнь вел борьбу за чистоту жизни. Его трудно было запугать, даже в те годы, когда за ним пришли чекисты с Лубянки. Он ощутил ствол пистолета, приставленный к спине. Он резко повернулся и смело взглянул в глаза.

Мало кто выдерживал взгляд его темных глаз.

Константинова было трудно чем-то сломить. Не удалось запугать тюрьмой; ах, женился на дочери врага народа, так мы его сломаем безденежьем. И он голодал. Потом к тому же попал в больницу.

Когда Константинов вышел из больницы, ему предложили проиллюстрировать рассказы Чосера.

— Когда я прочел Чосера, — вспоминал художник, — то был просто ошеломлен. Вы же знаете, книга состоит из пролога и двух десятков рассказов, которыми потчуют паломники друг друга в пути. На меня так и пахло добродушием, юмором и наивной открытостью. Я стал гравировать.

И засверкали белые борозды на самшитовых досках. Прежде всего появился портрет самого автора — Джефри Чосера. По крупницам создавал его Константинов, подчеркивая задумчивость, печаль и рассудительность...

В 1945 году иллюстрации Федора Константинова демонстрировались на выставке графического искусства в Берлингтонхауз в Англии и произвели самый настоящий фурор.

«То, что 90 гравюр были закончены в столь короткий срок, — поистине показывает феноменальную одаренность его создателя...», «...Лучшими экспонатами выставки можно назвать гравюры на дереве художника Константинова...» — это лишь малые крупницы-отзывы о работах тех лет.

Гравюры понравились выдающемуся борцу за мир — настоятелю Кентерберийского собора Х.Джонсону и были переданы ему в дар.

С годами Константинова привлекают произведения, близкие ему по лирико-романтическому строю, близкие его мироощущению. Страсть к разработке сложных

15.08.97
Константинов Ф.Д.